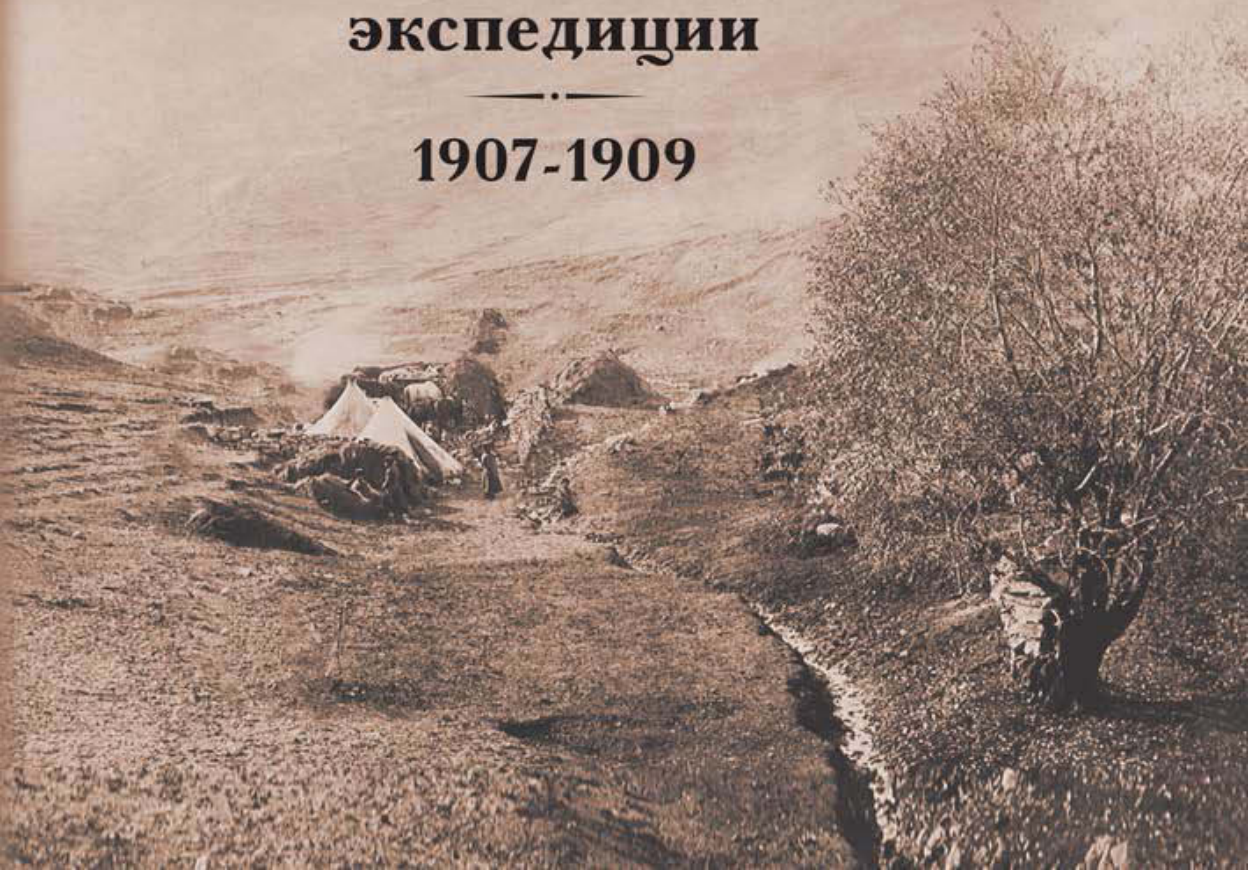

П.К. Козлов

Дневники
Монголо-Сычуаньской
экспедиции

— — —
1907-1909

УДК 913
ББК 63.3(3)
К 59

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-03-16009д*

*Рукопись подготовлена к изданию при финансовой поддержке:
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-33-01065а
Русского географического общества (грант 2013 г.)*

Рецензенты: д.и.н. И.Ф. Попова, д.г.н. К.В. Чистяков

Козлов П.К.

К 59 Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции, 1907–1909 / Ред.-сост. Т.И. Юсупова, сост. Т.Ю. Гнатюк; отв. ред. А.И. Андреев. — СПб. : Нестор-История, 2015. — 424 с.
ISBN 978-5-4469-0661-1

Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. под руководством известного российского исследователя Центральной Азии П.К. Козлова содержат ценные сведения по географии, этнографии, флоре и фауне изученных экспедицией территорий Западного Китая, Тибета и Монголии, а также дают возможность проследить историю выдающихся археологических находок экспедиции в средневековом городе Хара-Хото на южной окраине Гобийской пустыни. Дневники насыщены заметками этнографического и социально-политического характера, которые дополняют и значительно расширяют знания о народах центральноазиатского региона, их истории, религии, обычаях и традициях и дают ценные материалы для понимания истории взаимоотношений России с Цинским Китаем. Помимо сведений о научно-исследовательских работах дневники содержат также зарисовки повседневного экспедиционного быта, предоставляют возможность увидеть конкретную деятельность путешественника-исследователя, познакомиться с особенностями ведения полевой работы в начале XX в. в сложных географических и климатических условиях.

Для географов, этнографов, историков, востоковедов, а также для всех, кто интересуется историей изучения российскими исследователями Китая, Монголии и Тибета.

Kozlov P.K. The Diaries of the Mongolia-Sichuan expedition, 1907–1909 / Eds.: T.I. Yusupova, A.I. Andreev, ed.-in-chief; T.Yu. Gnatyuk, comp.

The diaries of the Mongolia-Sichuan expedition (1907–1909) of the well-known Russian explorer of Central Asia Pyotr Kuzmich Kozlov is a valuable source of information on geography, ethnography, flora and fauna of the vast territories of Western China, Tibet and Mongolia. These records also describe minutely Kozlov's discovery of the medieval town of Khara-Khoto on the western fringe of the Gobi desert and the outstanding archeological finds he made therein. The diaries abound in various notes of ethnographic and socio-political character which supplement and considerably expand our knowledge of the peoples of Central Asia, their history, religion, customs and traditions and provide valuable insights into the relations between Imperial Russia and China of the Qing dynasty. One will also find in Kozlov's diaries the narrative of the expedition's day-to-day life which allows the reader to see the concrete field work of the traveler conducted in difficult geographic and climatic conditions in the early XXth century.

The book is intended for geographers, ethnographers, science historians, orientalists, and those interested in the history of the Russian exploration of China, Mongolia and Tibet.

ISBN 978-5-4469-0661-1

9 785446 906611

УДК 913
ББК 63.3(3)
© Русское географическое общество, документы, материалы, 2015
© Т.И. Юсупова, редактор-составитель, 2015
© Издательство «Нестор-История», оформление, 2015

Монголо-Сычуаньская экспедиция П.К. Козлова (1907–1909 гг.)

Российский путешественник Петр Кузьмич Козлов (1863–1935) по продолжительности и необычайной результативности своей экспедиционной деятельности занимает особое место среди исследователей Центральной Азии XIX — начала XX века. С 1883 по 1926 гг. он совершил шесть больших экспедиций в Монголию, Западный и Северный Китай, Восточный Тибет, три из которых возглавил лично. Козлов участвовал в 4-й Центральноазиатской экспедиции Н.М. Пржевальского 1883–1885 гг., Тибетской экспедиции М.В. Певцова 1889–1890 гг., Тибетской экспедиции В.И. Роборовского 1893–1895 гг.; возглавлял: Монголо-Камскую экспедицию 1899–1901 гг., Монголо-Сычуаньскую экспедицию 1907–1909 гг. и Монголо-Тибетскую экспедицию 1923–1926 гг. В общей сложности более 15 лет он провел, странствуя по труднодоступным и практически неизвестным европейцам местам азиатского материка.

Кроме успехов в географическом изучении Центральной Азии Козлову способствовала удача и в археологических раскопках: его Монголо-Сычуаньская экспедиция в 1908–1909 гг. обнаружила уникальные артефакты в развалинах средневекового города Хара-Хото, засыпанного песками Южной Гоби, а Монголо-Тибетская экспедиция в 1924–1925 гг. — в захоронениях хунну, в горах Ноин-Ула, на севере Монголии¹.

Археологические материалы из Хара-Хото позволили ученым восстановить историю забытого тангутского государства Си Ся, просуществовавшего около 250 лет (892–1227) на территории современного Северного Китая², положили начало подлинному развитию тангутоведения во всем мире и обогатили россий-

¹ Подробно об истории раскопок в Ноин-Уле см.: *Юсупова Т.И.* Случайности и закономерности в археологических открытиях: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова и раскопки Ноин-Улы // *ВИЕТ.* 2010. № 4. С. 26–67; *Она же:* История не совсем обычного археологического открытия // *Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д.* Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск, 2011. С. 11–53.

² См.: *Кычанов Е.И.* Звучат лишь письма М., 1965; *Переиздание:* Рыбинск, 2002; *Он же:* Очерк истории тангутского государства. М., 1968; *Он же:* Император Великого Ся. Новосибирск, 1991; *Лубо-Лесниченко Е.И., Шафрановская Т.К.* Мертвый город Хара-Хото. М., 1968.

ские музеи выдающимися коллекциями восточных рукописей, книг и художественных произведений. Кроме своего главного, общепризнанного исторического значения, это археологическое открытие повысило престиж российской науки в изучении Центральной Азии и, несомненно, сыграло важную роль в жизни П.К. Козлова.

Результаты путешествий Козлова получили высокую оценку мирового научного сообщества и поставили его в ряд крупнейших исследователей этого региона. Он был избран почетным членом Русского (1910), Нидерландского (1896), Венгерского (1911) географических обществ, награжден Золотыми медалями Лондонского (1911) и Итальянского (1911) географических обществ, премией им. П.А. Чихачева Французской академии наук (1913), отмечен другими научными обществами³.

Успеху экспедиций П.К. Козлова способствовали, прежде всего, личные качества путешественника: талант географа-исследователя, обширные знания в разных отраслях страноведения, исключительная энергия, упорство, умение подбирать спутников, преданность своему делу, а также фактор удачи.

О П.К. Козлове и его путешествиях существует довольно обширная литература⁴. В данном очерке мы более подробно остановимся на обстоятельствах подготовки и проведения Монголо-Сычуаньской экспедиции (1907–1909), которые не нашли отражения в публикуемых дневниках.

К моменту организации Монголо-Сычуаньской экспедиции Козлов был уже известным и авторитетным исследователем Центральной Азии. За его плечами — участие в экспедициях Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова, В.И. Роборовского. Но особенно ярко талант Козлова, как путешественника-натуралиста, проявился во время его первой самостоятельной Монголо-Камской экспедиции 1899–1901 гг. В результате этой экспедиции, прошедшей со съёмкой более 10 000 км, были нанесены на карту крупнейшие хребты в Восточном и Центральном Тибете (хребет Русского географического общества, хребет Водораздел (бассейнов Хуанхэ и Янцзы), хребет Рокхилла и др.⁵ И хотя её маршрут пролегал по неисследованным и труднодоступным территориям, научные результаты превзошли все ожидания — Козлов привез в Санкт-Петербург огромную и необычайно разнообразную естественно-историческую коллекцию, интересные этнографические сведения о кочевых племенах Восточного Тибета, ценнейшие данные по зоогеографии совершенно неизученных областей. За этот вклад в изучение

³ Подробно см.: Юсупова Т.И. Международное признание заслуг П.К. Козлова в изучении Центральной Азии // Известия РГО. 2013. № 4. С. 74–89.

⁴ См., напр.: Овчинникова Т.Н. П.К. Козлов — исследователь Центральной Азии. М., 1964; Житомирский С.В. Исследователь Монголии и Тибета П.К. Козлов. М., 1989; Андреев А.И., Юсупова Т.И. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники (ВИЕТ). 2001. № 2. С. 51–74; Кравклис Н. Жизнь и путешествия Петра Кузьмича Козлова. Смоленск, 2006 и др.

⁵ Русские названия этих хребтов сейчас не используются в международной картографической практике.

Центральной Азии Русское географическое общество в 1902 г. наградило путешественника своей высшей наградой — Константиновской золотой медалью.

Подготовку нового путешествия Козлов начал сразу же после публикации отчета о Монголо-Камской экспедиции⁶. Он планировал продолжить исследования Южной Монголии и Кама (Юго-Восточного Тибета), начатые им в предыдущей экспедиции. Однако предложенный им проект не был одобрен Министерством иностранных дел: маршрут экспедиции проходил слишком близко к границе Центрального Тибета — области геополитического интереса Великобритании, что могло вызвать очередное обострение соперничества двух крупнейших мировых империй на Азиатском континенте (так называемая Большая игра)⁷.

Весной 1907 г. путешественник представил вице-председателю Русского географического общества П.П. Семенову-Тян-Шанскому новый план экспедиции, изменив маршрут ее следования: вместо Кама Козлов решил пройти по северной части провинции Ганьсу и Кукунорской области. На этот раз со стороны МИДа возражений не было. При этом подполковнику Козлову было рекомендовано строго придерживаться намеченного маршрута, «не вдаваясь в области, связанные с Тибетом»⁸. Одновременно Козлов, как офицер Генерального штаба, обратился к своему непосредственному начальству с просьбой разрешить ему вновь отправиться в путешествие для научного исследования малоизвестных областей Монголии и северо-западной части провинции Ганьсу.

Проект новой экспедиции Козлова был рассмотрен Советом РГО 24 мая 1907 г. П.П. Семенов-Тян-Шанский, активно поддерживавший исследования в Центральной Азии, предложил для ее финансирования использовать средства (25 000 руб.) несостоявшейся Месопотамской экспедиции⁹, выделенные по «высочайшему повелению» еще в 1903 г. Однако не все участники заседания выразили готовность поддержать вице-председателя РГО. Были мнения, что не следует расходовать такие большие средства на изучение «отдаленных стран, хотя и сопредельных с Россией». Целесообразнее было бы использовать их «на несколько экспедиций в Западной Азии, в странах, более близких к России»¹⁰. В итоге, принятие решения перенесли на следующее заседание, где Козлову было предложено выступить с докладом о своей очередной центральноазиатской экспедиции.

Повторное рассмотрение проекта экспедиции состоялось 29 мая 1907 г. Козлов подробно рассказал о ее маршруте, целях и задачах. На «просторы Азии»

⁶ [Козлов П.К.] Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899—1901 гг. под руководством П.К. Козлова. Т. 1. Ч. I. По Монголии до границ Тибета. СПб., 1905; Т. 1. Ч. II. Кам и обратный путь, СПб., 1906.

⁷ Подробно см.: *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006.

⁸ Архив РГО. Ф. 1—1907. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

⁹ Экспедиция для исследования Месопотамии и Курдистана была инициирована членом РГО, штабс-капитаном лейб-гвардии Егерского полка П.А. Риттихом. На ее организацию и проведение по императорскому указу было отпущено 25 000 руб. Начало экспедиции планировалось на осень 1903 г., но она, в силу разных политических и организационных проблем, так и не состоялась.

¹⁰ Известия ИРГО. 1907. Т. XLIII. СПб., 1907. С. 43.

Козлов предполагал выступить осенью 1907 г. из Урги — столицы Монголии, пройти через Гоби новым меридиональным маршрутом до Дынь-юань-иня (Дыньюаньиня). Здесь при содействии Алаша-вана и помощи бывшего спутника Козлова, а теперь представителя торговой фирмы в Китае Ц.Б. Бадмажапова, устроить стационарную базу экспедиции и организовать метеорологическую станцию. Затем, в январе 1908 г., экспедиция планировала разделиться на две партии: западную и восточную. Первая во главе с геологом (А.А. Черновым), должна будет заняться изучением местностей вдоль исторической дороги Ганьчжоу — Хараморит — Пекин; затем из Ганьчжоу пройти маршрут до монастыря Таги-чойлин и долины Эдзин-гола. После завершения запланированных работ группа должна будет возвратиться на базу экспедиции в Дынь-юань-инь, или направиться в южном направлении, через Наньшань до берегов озера Кукунор.

Тем временем вторая партия, возглавляемая самим Козловым, займется всесторонним обследованием Алашаньского хребта и других прилежащих к долине Хуанхэ гор. По мере возможности предполагалось собрать сведения о быте, религии и «мировоззрении» местных жителей. К осени экспедиция в полном составе должна будет собраться на берегах озера Кукунор и в 1909 г. заняться изучением Сычуани. Таким образом, всю работу экспедиции Козлов условно разделил на три периода: Монгольский, Кукунорский и Сычуаньский. Кроме того, он втайне питал надежду, что ему вновь представится случай встретиться с Далай-ламой, который после вынужденного бегства из Лхасы в 1903 г., когда туда вошел английский военный отряд во главе с Ф. Янгхазбендом, пребывал в монастыре Гумбум, на северо-западе провинции Гань-су¹¹.

На этот раз Совет РГО одобрил проект экспедиции и выразил уверенность в ее успехе, поскольку во главе экспедиции встанет такой опытный путешественник, как Козлов, «пока еще полный сил и энергии и страстно желающий работать для науки»¹². Новую экспедицию Козлова поддержал также покровительствующий ему как ученику и последователю Н.М. Пржевальского Николай П. Он даровал на ее снаряжение дополнительно 5 тыс. руб. на «непредусмотренные сметами надобности»¹³, о чем сообщил путешественнику 5 июля 1907 г., во время аудиенции в Петергофе.

Информация о новой экспедиции Козлова 13–14 июля появилась в большинстве петербургских и многих московских газетах («Биржевые ведомости», «Новое время», «Петербургская газета», «Петербургский листок», «Русские ведомости» и др.). Газеты сообщали, что путешественник выступает из Петербурга в августе, но в действительности все приготовления были закончены только к октябрю. Задержка была вызвана рядом организационно-бюрократических проволочек и получением средств от Военного министерства (12 894 руб. — довольствие офицерского состава экспедиции) и Государственного казначейства (10 657 руб. 62 коп. — для проведения исследований экономического характера)¹⁴.

¹¹ Там же. С. 48–51.

¹² Известия ИРГО. 1907. Т. XLIII. С. 46.

¹³ Архив РГО. Ф. 1–1907. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

¹⁴ Архив РГО. Ф. 1–1907. Оп. 1. Д. 5. Л. 34, 35.

В состав экспедиции кроме ее руководителя, Козлова, вошли: геолог Московского университета А.А. Чернов, топограф, капитан Военно-топографического управления Генштаба П.Я. Напалков, собиратель растений и насекомых С.С. Четыркин¹⁵, заведующий экспедиционным караваном гренадер Г.И. Иванов (участник экспедиций Пржевальского, Певцова, Роборовского и Козлова), а также казаки-урядники П. Телешов, А. Мадаев, В. Демиденко, М. Давыденков, М. Санакоев, забайкальские казаки Е. Полюттов (переводчик китайского языка), Б. Мадаев, Г. Бадмажапов (брат Ц.Г. Бадмажапова), Б. Содбоев. Завершив за две недели пребывания в Кяхте последние приготовления к далекому путешествию, 9 января 1908 г. отряд русских путешественников прибыл в столицу Монголии Ургу.

Перед Монголо-Сычуаньской экспедицией П.К. Козлова (как она стала официально называться) стояли задачи географического исследования региона и сбора естественнонаучных коллекций. Однако одно неожиданное обстоятельство внесло коррективы в планы Козлова. Еще находясь в Петербурге, в конце июня он получил письмо из Алашани от Ц.Б. Бадмажапова — участника его предыдущей экспедиции — (отправлено 15 мая 1907 г.), который постоянно снабжал Козлова самой разнообразной информацией о Китае, столь необходимой для путешественника¹⁶. В этом письме Бадмажапов сообщал своему покровителю об интересной находке, сделанной им во время коммивояжерской поездки на Эдзин-гол: «Около песков между долинами Гойцзо и Эцзин-гол наткнулся на развалины Хара-Хото или Хара-байшин, где специально дневал, [чтобы] сделать снимки и кое-что записать». К письму были приложены четыре снимка развалин, которые Бадмажапов просил Козлова показать П.П. Семенову-Тянь-Шанскому, а также сообщить ему, что он собирается написать «маленькую брошюру» о своей поездке и послать в РГО почтой¹⁷.

Оазис в низовьях Эдзин-гола давно уже привлекал внимание различных экспедиций, проходивших по этим местам. Так, в 1886 г. здесь останавливалась на дневку экспедиция Г.Н. Потанина. В своем отчете исследователь писал «Из памятников древности [торгоуты] упоминают развалины Эрхэ-харабурюк, то есть от самого восточного рукава Едзина; тут, говорят, виден небольшой *кэрим*, то есть стены небольшого города, но вокруг много следов домов, которые засыпаны песком. Разрывая песок, находят серебряные вещи. В окрестностях *кэрима* большие сыпучие пески, и воды близко нет»¹⁸.

В 1893 г. эти же места посетил В.А. Обручев¹⁹. Однако торгоуты скрыли от него существование Хара-Хото, принудив сделать огромный крюк, чтобы пересечь владения Алаша-цин-вана на северо-востоке, а не на северо-западе, как

¹⁵ О С.С. Четыркине см.: *Кравклис Н.Н.* Путешественник Сергей Четыркин. Смоленск, 1999.

¹⁶ См.: *Юсупова Т.И.* (подг. публ.). Переписка Ц.Г. Бадмажапова с П.К. Козловым // Известия РГО. 2004. Вып. 2. С. 75–96.

¹⁷ Там же. С. 83.

¹⁸ *Потанин Г.Н.* Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Т. 1. СПб., 1893. С. 464.

¹⁹ *Обручев В.А.* Центральная Азия, Северный Китай и Нань-Шань. Отчет о путешествии. СПб., 1901. Т. II. С. 399–400.

хотел Обручев²⁰. В 1900 г. сюда, для исследования низовьев Эдзин-гола Козлов направил своего помощника по Монголо-Камской экспедиции А.Н. Казнакова. Если посмотреть на карте путь, пройденный Казнаковым, то можно увидеть, что он также совсем немного не дошел до развалин Хара-Хото: проводники провели его, обогнув древний город²¹. Возможно, эти факты объяснялись особым отношением торгоутов к этому месту как к своеобразному пантеону духов их предков.

Сообщение Бадмажапова о посещении Хара-Хото вызвало большой интерес у Козлова. Дело в том, что в начале XX в. западные исследователи проводили активные археологические раскопки в развалинах древних городов, обнаруженных ими в Восточном Туркестане, в бассейне р. Тарим, в Турфанской котловине и других местах, которые дали ценный научный материал. Как отмечал Д.Н. Анучин, «русским исследователям трудно было соперничать с подобными богато обставленными экспедициями англичан, немцев и др.»²². Не имея в своем распоряжении необходимых средств, они не могли собрать многого и не в состоянии были производить продолжительные систематические раскопки. Российская археология явно проигрывала в этом, своего рода, соревновании. Поэтому неудивительно то внимание, с которым Козлов отнесся к информации Ц. Бадмажапова.

Поиск Хара-Хото не вносил особых изменений ни в маршрут экспедиции, ни во временной график ее следования. 25 января 1908 г., отправив основной караван в Дынь-юань-инь, Козлов направился через массив Гурбун-Сайхан в урочище Угольцин-тологой, в ставку хорошо ему знакомого местного князя Балдын-Цзасака. Он надеялся у него узнать дорогу к Хара-Хото и самому проверить полученную информацию Ц. Бадмажапова. В ставке Балдын-Цзасака состоялся «деловой разговор» о дальнейшем пути на Эдзин-гол. «В конце концов, — пишет Козлов в экспедиционном дневнике, — я был рад результатами переговоров. Мы в перспективе видели исполнение своих заветных планов: нам не отказали ни в знании о Хара-Хото, ни в возможности отыскать верблюдов и проводника, но, конечно, не поскупились содрать с нас высокую плату»²³. Чуть позже, в письме в РГО, Козлов сообщит, что он убедился, в том, «что, как название Хара-Хото, так и сами развалины ведомы некоторым из обитателей балдын-цзасаковских владений. Сам Балдын-Цзасак рассказывал <...> про Хара-Хото немало интересного»²⁴.

1 марта 1908 г. в сопровождении Балдын-Цзасака экспедиция направилась в низовье Эдзин-гола, к озеру Сого-нор. Через две недели прибыли на берега

²⁰ Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Пг., 1923. С. 101; 2-е изд. М.: ОГИЗ, 1948. С. 76.

²¹ Казнаков А.Н. Мои пути по Монголии и Каму // Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. СПб., 1907. Т. II. Вып. I. С. 47–53.

²² Из экспедиции Козлова // Русские ведомости. 1909. 20 сентября. С. 2.

²³ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 154. Л. 52 об. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 1.

²⁴ Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова // Известия ИРГО. 1908. Т. XLIV. Вып. VII. С. 453.

озера, во владения уже другого местного князя — торгоут-бэйле. Вначале он принял Козлова весьма холодно, но после получения подарков «стал человеком», послал для экспедиции юрту, палатку, людей «для услуг» и проводников в Хара-Хото²⁵. Поездка состоялась 19 марта. Вместе с Козловым выехали геолог Чернов, топограф Напалков, гренадеры Иванов и Мадаев. Козлов, Напалков и Иванов пробыли в Хара-Хото три дня, а Чернов и Мадаев пять дней. В первое посещение мертвого города были определены его географические координаты (41°45'40'' с. ш. и 101°5'15'' в. д.), абсолютная высота местности (810 м), снят план, обследованы развалины, произведены пробные раскопки. Находки были весьма разнообразные и многочисленные: большое количество черепков посуды, предметов обихода, денежные ассигнации, монеты, три книги, тридцать оригинальных рукописей на неизвестном тогда языке Си Ся, предметы культа и др. Завершив осмотр Хара-Хото, экспедиция направилась дальше по намеченному маршруту — к Алашаньскому хребту.

О результатах посещения Хара-Хото Козлов сразу же направил донесение в РГО, в котором привел описание местности, краткую историческую справку о городе, составленную по расспросным сведениям, перечень произведенных работ и находок, приложил несколько фотографий²⁶. Информацию о Хара-Хото он послал также непременно секретарю Академии наук С.Ф. Ольденбургу и известному географу и археологу Д.Н. Анучину.

Даже краткий осмотр поступившего в Петербург археологического материала позволил ученым сделать вывод о его уникальности и большой исторической ценности. Помощник председателя РГО А.В. Григорьев в письме от 9 сентября 1908 г. сообщил Козлову о первых результатах изучения находок: «Я рассказал П.П. Семенову о Ваших открытиях в Хара-Хото и он очень интересовался тем, что Вы там нашли, а нашли Вы, во-первых, <...> Си Ся (His-Hsia) столицу²⁷ тангутского царства, существовавшего с XI по XIV век. 2) Рукописи помимо китайского — на неведомом языке (по крайней мере, прочитав <...> никто еще не умеет, хотя образцы письма и известны). 3) Ассигнации Минской династии, которых известно было до сих пор лишь 4 штуки, в том числе в Азиатском музее Академии наук». Григорьев, которого связывали с Козловым теплые дружеские отношения, посоветовал ему посетить Хара-Хото и на обратном пути: «Не жалейте ни времени, ни средств на дальнейшие раскопки — такое мнение не одного только меня, питающего к Вам некоторую слабость, но и других, более компетентных, чем я, лиц». Чтобы усилить личную заинтересованность путешественника, Григорьев сыграл на честолюбии Козлова: «Вы первый. Биологическими сборами не удивить, а когда узнают про Си Ся и о том, что Вы там нашли, прямо ахнут и остолбенеют»²⁸.

²⁵ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 154. Л. 74, 78 об. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 1.

²⁶ Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова (28 марта 1908 г.) // Известия ИРГО. 1908. Т. XXXXIV. Вып. 7. С. 453–458.

²⁷ На самом деле Хара-Хото не являлся столицей тангутского государства. Однако эта ошибка еще до сих пор периодически появляется в публикациях о Хара-Хото.

²⁸ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 184. Письмо от 9 сентября 1908 г.

Это письмо Козлов получил только 7 декабря 1908 г. и оно стало поворотным пунктом в истории Хара-Хото. Козлов последовал совету своего друга, изменил маршрут экспедиции, свернув исследование Сычуани, и через Амдоское нагорье вновь направился в Хара-Хото.

Такому решению способствовало также и письмо Анучина от 20 сентября 1908 г. Авторитетный ученый сообщал Козлову, что краткий отчет о посещении Хара-Хото он поместил в «Русских ведомостях» и предварил своим вступлением, в котором указал на важность раскопок «мертвых городов», в которых «англичане и немцы нас предвосхитили в Китайском Туркестане и Турфане»²⁹. Анучин, сожалея, что из краткого описания Козлова нельзя увидеть, насколько подробно исследован город, тем не менее не сомневался, что «собранный материал обогатит науку новыми данными и либо даст добавочные материалы для ознакомления с той эпохой, которая стала известна из раскопок Штейна и Грюнведала, либо познакомит с древностями более поздней эпохи, исключительно уже буддийской и монгольской»³⁰.

Вторые раскопки в Хара-Хото начались 23 мая 1909 г. Причем Козлов проводил их без всякого плана и системы, как и в предыдущее посещение древнего города, давал своим спутникам только общие указания — где копать. С первого дня раскопок стали вновь попадаться части рукописей, монеты, ассигнации, обломки посуды и проч. Но все находки являлись незначительным дополнением к уже добытым материалам. Энтузиазм сотрудников экспедиции заметно падал. Чтобы как-то разнообразить их деятельность, Козлов предложил перенести работы за стены Хара-Хото, где находилось несколько субурганов. 30 мая приступили к исследованию самого крупного из них, «отстоящего на запад от города в 200-х саженях»³¹. Решение оказалось счастливым, а этот субурган стал знаменитым. Во время его раскопок, продолжавшихся 9 дней (с 30 мая по 7 июня), была обнаружена целая библиотека (более 6 тыс.) прекрасно сохранившихся свитков, рукописей, книг на тангутском, китайском и уйгурском языках, сотни буддийских икон и скульптур, святыни из буддийских храмов.

Одновременно с радостью от неожиданного успеха возникла серьезная проблема сохранения собранного археологического материала и его транспортировки в Россию. Загруженный до предела караван не мог увезти с собой все находки и Козлов принял решение оставить часть вещей, главным образом крупную скульптуру, на месте, предполагая организовать еще одну экспедицию для продолжения раскопок³².

Прощаясь с Хара-Хото, 16 июня 1909 г. Козлов сделал в дневнике проникновенную запись: «Мне суждено связать с тобою свое имя, мне посчастливилось вызвать тебя к новой <...> жизни. Скоро история твоя, твоя тайна будет открыта.

²⁹ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 14. Л. 5. Письмо от 20 сентября 1908 г.

³⁰ Русские ведомости. 1908. 20 сентября. С. 2.

³¹ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 157. Л. 442 об. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 4.

³² Продолжить раскопки в Хара-Хото П.К. Козлов смог лишь в 1926 г. Но несмотря на подробное описание места, где в 1909 г. были оставлены скульптуры, ничего найти не удалось. См.: *Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг.* / Ред.-сост. Т.И. Юсупова, сост. А.И. Андреев. СПб., 2003.

Счастье вручило мне дорогой субурган!»³³ Но он прекрасно осознавал, что во многом этот успех был предопределен Григорьевым: «Сколько раз я с глубоким чувством, — писал Козлов, — здесь, на развалинах, вспоминал и еще вспомню несравненного Александра Васильевича»³⁴.

Археологические находки в Хара-Хото несколько затмили другие, не менее значимые достижения экспедиции по географическому изучению Монголии и Амдо.

Как и прежде, Козлов доставил в Петербург богатые зоологические и ботанические коллекции, которые были переданы для изучения в Ботанический сад и Зоологический музей Академии наук. Одной из наиболее ценных зоологических находок экспедиции стал маленький тушканчик, пойманный 22 мая 1909 г. вблизи развалин Хара-Хото. Как впоследствии выяснилось, это животное принадлежало к совершенно новому роду и виду. Сотрудник Зоологического музея Б.С. Виноградов, изучавший привезенные сборы, присвоил ему имя П.К. Козлова — *Salpingotus Kozlovi*³⁵.

Ход экспедиции широко освещался в российской и зарубежной печати³⁶. «Известия РГО» регулярно публиковали письма, посылаемые Козловым в Географическое общество, где он скрупулезно описывал пройденный маршрут и результаты исследований³⁷.

По возвращении экспедиции РГО устроило торжественный прием в честь Козлова. Чествование путешественника планировали провести в только что построенном собственном доме Общества в Демидовом переулке, 8 (сейчас Гривцов пер., 10). Однако ввиду слишком большого числа приглашенных лиц Совет РГО принял решение провести прием в 1-м Кадетском корпусе, на Васильевском острове³⁸. В новом же здании в Демидовом переулке было решено устроить выставку всего привезенного Козловым «научного богатства». Она открылась в начале февраля 1910 г. и имела большой успех: в течение месяца ее осмотрели несколько тысяч посетителей³⁹. Безусловно, для ученых главный интерес

³³ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 157. Л. 465. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 4.

³⁴ Там же. Л. 448. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 4.

³⁵ Виноградов Б.С. Заметка о своеобразном новом роде и виде тушканчика из Хара-Хото (Монголия) // Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М.; Пг.: 1923. С. 540–545.

³⁶ Открытие мертвого города русским путешественником // Огонек. 1909. № 44. С. 5–6. См. также: *Kozloff P.K. The Mongolia-Szechuan Expedition of the Imperial Russian Geographical Society // The Geographical Journal. 1909. Vol. XXXIV. N 4, October. P. 384–408; The Geographical Journal. 1910. Vol. XXXVI. № 3, September. P. 288–309; Kozlov P. Spedizione nella Mongolia e nel Seciuian // Bollettino della Societa Geografica Italiana. Serie IV. Vol. XII. № 6. P. 758–775; № 8. P. 865–885. Roma, 1911.*

³⁷ Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова // Известия ИРГО. 1908. Т. XLIV. Вып. III. С. 171–174; Вып. V. С. 299–316; Вып. VII. С. 453–458; Известия ИРГО. 1909. Т. XLV. Вып. I. С. 121–125, 147–173; Вып. VII. С. 407–432.

³⁸ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 216. Письмо от 17 января 1910 г. Торжественное заседание прошло в присутствии великого князя Николая Михайловича. В зале собралось более двух тысяч человек.

³⁹ Большой фоторепортаж с выставки был опубликован в журнале «Огонек»: Выставка коллекций Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. полковника П.К. Козлова

представляли находки из Хара-Хото. Но и для просто любопытствующих здесь было много интересного: этнографические материалы, буддийская живопись и скульптура, ботанические и зоологические сборы и др. После окончания выставки книги и рукописи были переданы на хранение и изучение в Азиатский музей Академии наук, ныне Институт восточных рукописей РАН, остальные предметы — в Этнографический отдел Русского музея, где они хранились до 1934 г., после чего поступили в Государственный Эрмитаж. Здесь они экспонируются в Отделе Востока.

Очередной географический подвиг Петра Кузьмича Козлова был отмечен со стороны Генерального штаба производством его в марте 1910 г. в чин полковника; со стороны РГО — избранием в апреле 1910 г. в почетные члены Общества. Несколько позднее его заслуги, как было указано выше, были отмечены зарубежными научными учреждениями.

Особое значение материалы из Хара-Хото имели для расшифровки тангутской письменности. Разбирая привезенные находки, приват-доцент Санкт-Петербургского университета А.И. Иванов обнаружил единственный известный до сих пор тангутско-китайский словарь «Чжан-чжун чжу» («Перл в ладони»). Эта находка позволила начать работу над составлением тангутско-русского словаря. О своем открытии А.И. Иванов сообщил в статье «К изучению языка Си Ся», а затем последовал ряд других его статей, посвященных анализу документов из Хара-Хото⁴⁰. Но особенно важный вклад в тангутоведение внес ученик А.И. Иванова — Н.А. Невский. Его труд «Тангутская филология»⁴¹ заслужил репутацию одного из крупнейших филологических открытий XX в.

С коллекцией книг и рукописей из Хара-Хото российские востоковеды работают до сих пор. Подробно описаны китайская⁴² и тангутская части коллекции⁴³. Как отмечал один из самых авторитетных тангутоведов Е.И. Кычанов, современные успехи российского и мирового тангутоведения основываются именно на материалах из Хара-Хото. Результатом многолетней работы с тангутскими рукописями Е.И. Кычанова стало издание в Японии уникального Тангутско-русско-англо-китайского словаря⁴⁴.

в залах Императорского Географического общества в Санкт-Петербурге // Огонек. 1910. № 6. С. 8–9.

⁴⁰ *Иванов А.И.* К изучению языка Си-Ся. СПб., 1909; *Иванов А.И.* Страница из истории Си-ся // Изв. Имп. АН. СПб., 1911; Документы из города Хара-хото. I. Китайское частное письмо XIV века // Изв. Имп. АН. 1913. Сер. VI. № 14. С. 817–913; Памятники тангутского письма. 1918. Бумажное обращение в Китае до XV века // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1913; *Иванов А., Ольденбург С.Ф., Котвич В.* Из находок П.К. Козлова в г. Хара-Хото. СПб, 1909; *Волков Ф.* Человеческие кости из субургана в Хара-Хото // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914.

⁴¹ *Невский Н.А.* Тангутская филология. Кн. 1–2. М., 1960.

⁴² *Меньшиков Л.Н.* Описание китайской части коллекции из Хара-Хото (Фонд П.К. Козлова). М., 1984.

⁴³ Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции института народов Азии АН СССР / Сост.: З.И. Горбачева, Е.И. Кычанов. М., 1963. 170 с.

⁴⁴ Словарь тангутского (Си Ся) языка. Тангутско-русско-англо-китайский словарь / Сост. Е.И. Кычанов; со-сост. С. Аракава. Киото, 2006.

Но не только филологические вопросы помогли решить хара-хотинские находки Козлова. Изучение обнаруженной в Хара-Хото библиотеки (древние печатные книги, киелографы и рукописи XI–XIII вв.) позволило выявить также новые факты в истории книгопечатания, проследить все этапы, технические достижения и особенности развития книжного дела в странах Востока⁴⁵.

Не менее выдающееся значение имеют вывезенные из Хара-Хото предметы буддийского культа, в частности иконы и статуэтки. Их уникальность побудила С.Ф. Ольденбурга «не откладывая дела» дать предварительное описание ценнейших находок уже в 1914 г.⁴⁶ В дальнейшем изучением этой коллекции занимались сотрудники Государственного Эрмитажа⁴⁷.

В период 1911–1920 гг. Козлов подготовил несколько публикаций, в которых были отражены основные результаты Монголо-Сычуаньской экспедиции⁴⁸. Издание же обстоятельного труда отодвинули сперва организация новой экспедиции, не состоявшейся из-за начала Первой мировой войны, затем последовавшие бурные политические события в стране. Опубликовать отчет о путешествии удалось только в 1923 г. в книге «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото». Уже несколько подзабытое открытие вновь привлекло широкое общественное внимание. Известный немецкий путешественник В. Фильхнер, находившийся в это время в Москве, попросил у Козлова разрешения перевести книгу на немецкий язык, чтобы познакомить своих соотечественников с замечательными достижениями русских исследователей. Книга вышла в Германии в начале 1925 г.⁴⁹ Предисловие к ней написал один из самых известных исследователей Центральной Азии Свен Гедин. Второй перевод на немецкий язык «Монголии и Амдо» был осуществлен в 1955 г. Книга также переведена на чешский (1929 г.), словацкий (1951), японский и китайский (2003) языки.

Сообщения о результатах раскопок в Хара-Хото заинтересовали западных исследователей. В 1914 г. в оазисе Эдзина работал А. Стейн, в 1923 г. там побывала американская экспедиция Л. Уорнера, а в 1927–1928 гг. этот район обследовал С. Гедин⁵⁰. Их экспедиции собрали большое количество интересных находок, но повторить успех Козлова никому не удалось.

⁴⁵ См.: *Терентьев-Катанский А.П.* Книжное дело в государстве тангутов (по материалам коллекции П.К. Козлова). М., 1981.

⁴⁶ *Ольденбург С.Ф.* Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото // Материалы по этнографии России. Т. II. СПб., 1914.

⁴⁷ *Самосюк К.Ф.* Буддийская живопись из Хара-Хото XII — XIV веков: между Китаем и Тибетом. Коллекция П.К. Козлова. СПб., 2006

⁴⁸ *Козлов П.К.* Русский путешественник в Центральной Азии и мертвый город Хара-Хото. СПб., 1911; *Козлов П.К.* Трехлетнее путешествие по Монголии и Тибету. СПб., 1913; *Козлов П.К.* Мертвый город Хара-Хото // Сборник в честь семидесятилетия профессора Дмитрия Николаевича Анучина. М., 1913. С. 31–45; *Козлов П.К.* Тибет и Далай-лама. Пг., 1920.

⁴⁹ *Kozlov P.* Zur Toten Stadt Chara-Choto. Die Expedition der Russischen Geographischen Gesellschaft nach der Mongolei, Amdo and Chara-Choto / Übers. von L. Breitfuß, P. Zeidler. Berlin: Verlag Neufeld&Henius, 1925.

⁵⁰ *Stein A.* Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Iran. 5 vols. Oxford, Clarendon Press, 1928; *Warner L.* The Long Old Road in China. London, 1927; *Hedin S.* Across the Gobi Desert. London, 1931.

Этот очерк хотелось бы закончить словами академика С.Ф. Ольденбурга, дающего довольно точную оценку деятельности П.К. Козлова в период Монголо-Сычуаньской экспедиции: «Часто приходится слышать, что находки, делаемые путешественниками, являются результатом “удачи”. Такое утверждение несправедливо, ибо, если путешественник что-нибудь находит, то почти всегда только потому, что он искал и умел искать. Так было и с П.К. Козловым»⁵¹.

Т.И. Юсупова

⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 11. Л. 50 об. Отзыв С.Ф. Ольденбурга о трудах П.К. Козлова, 1928 г.

Дневник № 1
Монголо-Сычуаньского путешествия
1907–1909 гг.

Кяхта

Осень 1907 года. Путешественнику оседлая жизнь, что вольной птице клетка. Пройдут порывы первой радости и опять обстановка цивилизованной жизни, обыденность становятся тяжелыми. Таинственный голос будит душу, мысль уносит в покинутые места Центральной Азии. Короче — «даль зовет»! Словно в ней имеется высшее благо, которого не найти в России, в Европе. Да, это благо свободы и приволья странника, странника, всею душою любящего и понимающего природу, странника, хорошо читающего обстановку диких, неведомых до него картин природы, сделавшегося крестным отцом для многих представителей растительного и животного царств, мало этого — крестным отцом для многих гор, долин, речек и их обитателя — человека! Для меня, прошедшего столько лет среди природы Центральной Азии, вкусившего прелесть этой жизни вместе с Пржевальским, умевшим как никто другой зажечь пламень любви к науке, к путешествию, у меня сложилось убеждение, что самыми лучшими, самыми счастливыми годами моей жизни, годами, на которые я могу со спокойною совестью оглянуться, что они не пропали даром, есть года жизни в Центральной Азии. Сколько раз я бывал поэтически счастлив, стоя лицом к лицу с дикой грандиозной природой. Сколько раз поднимался на страшную абсолютную и относительную высоту, когда мог душою и сердцем чувствовать некоторую приближенность к высшему таинственному и удаленность от низшего земного. Сколько прелестных уголков среди скал и лесов, окаймленных серебристыми каскадами и ручейками, производящими волшебную гармонию, воскресают при моем воспоминании Кама и манят меня к себе! Сколько там осталось пернатых еще не виданных, не изученных! Как сильно зовут меня голосом природы известные ущелья, обставленные лесом и кустарником, где я мог часами сидеть и любоваться на храм природы с дивной гармонией звуков живых существ!

Этого признания достаточно, чтобы понять мою радость об экспедиции в Центральную Азию, вновь вверяемой мне и по желанию Государя, и по желанию и избранию ИРГО. По представлении Совета ИРГО, его вице-председателя, незаменимого Петра Петровича Семенова Тянь-Шанского, Государю Императору благоугодно было средства, дарованные им на Месопотамскую экспедицию, переименовать на экспедицию Монгольскую, вверяемую Козлову.

5 июля м[инувшего] года я отправился благодарить Е[го] В[еличество] за новое доверие монарха и за новый знак благоволения, выраженного прибавкой на экспедицию пяти тысяч рублей. Принятый в частной аудиенции (между прочим, я подносил Государю три тома научных результатов Тибетской экспедиции, тогда только что вышедших из печати)¹ как никогда просто и ласково, я пришел от Государя очарованный. На мои последние слова Е[го] В[еличеству]: «По примеру прежней Тибетской экспедиции, окончившейся столь благополучно,

позволяю просить нравственного благословения и на этот раз», — Государь заметил: «Нет, я не прощаюсь, я хочу вас видеть перед самым отъездом в ваше далекое путешествие. Ведь еще предстоит масса хлопот и времени на снаряжение экспедиции».

С искренней живейшей радостью я приступил к формированию экспедиции. Приехал в Питер и мой неизменный спутник Гавриил Иванов (Новгородской губ[ернии]). Осведомленный об экспедиции заблаговременно, я устроил мою семью поблизости в Гунгербурге², на балтийском побережье, с чудным купанием, с чудным пляжем. Усталый в городе, я радостно приезжал к семье на отдых.

Время бежало незаметно. Экспедиция сформирована. Тяжело было от назойливых приставаний желающих в путешествие — они меня совершенно изводили. С разными осложнениями и проволочками время затянулось до осени, до октября месяца, когда, наконец, можно было произнести слово: «Готово!». Вперед в счастливый час!

17 октября. Откланявшись Государю, Императрице и наследнику-цесаревичу (которого, между прочим, я видел впервые и который произвел на меня, как ребенок, самое отрадное впечатление), я на другой день, **18 октября**, уже был на вокзале Никол[аевской] ж[елезной] д[ороги]. Накануне же этого дня мой Иванов сдал багаж экспедиции, которого набралось свыше 30 мест в количестве 150 пудов. С живейшею благодарностью ценю внимание Общества, ходатайствовавшего перед М[инистерст]вом пут[ей] сообщ[ений], благосклонно оказавшим нам содействие представлением в мое распоряжение вагона II класса от Санкт-Петербурга до Верхнеудинска и о погружении экспедиционного транспорта в отдельный багажный вагон, имеющий следовать в общем с экспедицией поезде.

Проводить в путешествие на вокзале собрался самый дружественный мой кружок, самый дорогой, самый желанный: С.Ф. Ольденбург, А.В. Григорьев, Н.И. Григорьева, А.А. Достоевский, барон П.А. Рауш-фон-Траубенберг, А.Д. Руднев, В.И. Липский, А.Е. Снесарев и Е.В. Снесарева, В.Ф. Новицкий, Н.Н. Кузнецов, Ю.М. Шокальский. Тут были и представители Академии наук, и представители Географического общества, и представители Генерального штаба и другие. При сердечных пожеланиях поезд отошел и скрылся во мраке ночи. Я мог отжаться в скором поезде, в отдельном купе, заполненном различными научными инструментами, сам себе, своим личным впечатлениям. Петербург оставался позади, впереди Москва, дорогая мне потому, что в ней, кроме моей дорогой семьи, имелись и искренние друзья. Петербургская толчея и беготня приятно сменилась в Москве тишиной, убаюкивающей жизнью. Моя дорогая жена самым заботливым образом обставила мой покой, мое пребывание среди семейного очага. Я мог и, действительно, отдохнул душой и телом перед отдаленным походом. Дела экспедиции делались исподволь, как приятное разнообразие. Свидание с друзьями, родными и знакомыми также. Особенно внимательно ко мне относились знакомые профессора М[осковского] у[ниверситета] и сотоварищи по полку.

Новый отец-командир, полковник Александр Иванович Чаплыгин, собрал товарищей в тесном кружке (кремлевское собрание) и весь полк в Манеже, где он от лица полка благословил меня и моих трех юных молодцов-спутников на-

тельными крестами с надписью «Спаси и сохрани». Самый момент благословения никогда не изгладится из моей памяти. Благоговейная тишина царила в Манеже при слушании полкового священника. Моя жена была свидетельницей этих минут. Я и трое гренадер стояли впереди. После краткой, сильной речи приятного священника, сказал искреннее слово А.И. Чаплыгин, одевая на меня и ниж[ние] чины символическое благословение. Не выдержала моя душа задушевных чувств и впечатлений, слезы брызнули при виде ласкового лица милой жены и я, едва-едва справившись, мог высказать благодарность, накопившуюся к полку с первых моих лет службы вообще и с первых дней московского пребывания, в частности.

Минуты, проводимые дома, с женою и детьми ласкали меня несказанным образом. При мысли о предстоящем расставании на сердце становилось тяжело, давила тяжестью предстоящая минута расставания.

Подкатило и это роковое число — **10 ноября**. Крепиться не было сил: малодушничал. Сумерки. Едем после прощания с домом, с детьми на вокзал. У выхода, крыльца, молодой человек просится в путешествие. А вот и вокзал. Милый М.А. Мензбир первый попал на глаза, там и сям товарищи-офицеры, друзья, родные, знакомые. Вскоре кружок мой перемешался, мило перетасовался — профессора, офицеры, юные, убеленные сединами и прочие. Приятнейшую речь с бокалом в руке сказал маститый Н.А. Умов, затем А.И. Чаплыгин, затем я, опять мои друзья, опять я. Сказал просто, искренне, с тактом и мой Иванов. Звучки ротной музыки усиливали подходящее душевное настроение. Тяжело было оторваться от горячей груди, от горячих, ласковых, жгучих поцелуев и благословений жены. Ее ласковый, живой, чистый, светлый образ запечатлелся сильно в моем воспоминании, и будет облагораживать мою душу, очищать от всяких неподобающих, нечистых помыслов.

Мое высшее желание оправдать мои вожеленные мечты! Помоги мне, Бог, в моем деле и в нравственном сохранении тела и души!

Наконец оторвалось все. Слова «до свидания!» перемешались со звуками екатеринославского марша³, все более ослабевавшим и ослабевавшим. Все дорогое оставлено в Москве. Тяжелый мрачный свод ночного неба окутал и мысли. Невольно отдаешься сам себе, хотя, идя в купе, я по дороге поздравил своих молодцов с походом.

Началось путешествие. Дни за днями бежали быстро. Промелькнул и красивый Урал, и степные, и лесные, и равнинные, и горные пространства колоссальной Сибири. Наше внимание останавливалось на Иркутске, где экспедиция по разным делам должна была прожить несколько дней, прежде чем начать двигаться дальше.

Морозы постепенно крепчали, в воздухе летали белые мухи. Зима надвигалась. Наконец и желанный Иркутск, где мы были радушно приняты и кружком Генерального штаба, и кружком сочленов ИРГО во главе с Ник[олаем] Ник[олаевичем] Курмаковым.

В Иркутске к нам присоединился штабс-капитан, с 6 декабря м[инувшего] года капитан Петр Яковлевич Напалков (Штаба корпуса военных топографов) — наш четвертый товарищ. Из Москвы со мной ехали: геолог А.А. Чернов, коллектор, ботаник и энтомолог С.С. Четыркин, неизменный фельдфебель

Иванов и новички гренадеры: Демиденко, Санакоев и Давыденков. В Иркутске конвой увеличился забайкальцами Бадмажаповым и Содбоевым.

В Иркутске же меня баловали широким гостеприимством и старые, и новые знакомые иркутяне. Пришлось прожить шесть дней, из которых два дня — первый и последний — праздники. С.Н. Родионов особенно оказал внимание и заботливость. У него же я оставил и свою форму, нужную мне на обратном пути с Иркутска. Но особенной благодарностью я обязан генерал-губернатору г[енерал]-л[ейтенанту] А.Н. Селиванову и как начальнику края, и как человеку. В гостеприимном русском доме я был принят, обласкан, словно родной, и чувствовал себя самым непринужденным образом в милом о[бщест]ве.

26 ноября, праздник ордена Св[ятого] Георгия Победоносца, а для сибиряков — и их патрона Иннокентия, я большую часть дня провел в гостеприимном доме А.Н. Селиванова, а вечером, напутствуемый лучшими пожеланиями кружка ИРГО с Н.Н. Курмаковым в заводе⁴, продолжал путь к Верхнеудинску. Сибирь. Красавица Ангара еще не думала о ледяном покрывале, равно как и ее суровый отец — Байкал, грозно ударявший о скалистые берега тяжелыми волнами. Ночной мрак и бесконечные байкальские тоннели усиливали своеобразность впечатлений.

В Верхнеудинске я был встречен и провожаем затем в дальнюю дорогу представителем ламаистского духовенства Восточной Сибири, бандидо хамбо-ламой Иролтуевым, поднесшим мне плат счастья — хадак. Лихая протяжная тройка, а местами и четверка, лихо катила в санях меня и А.А. Чернова сначала по Селенге, ее притоку Чикою, а затем наперерез более или менее гористой местности. Чем дальше, тем более и более сказывался грандиозный масштаб, в котором построена природа Азии. Мощные обнажения, скалы, утесы, россыпи вдали привлекали моего пылкого, пытливого геолога. Он своим восторгом, восхищением, подъемом чувств положительно радовал меня и приближал к себе приветственной связью. В Верхнеудинске он даже не утерпел — сходил в экскурсию, поднялся на вершину и долго любовался открывшейся перед ним картиной.

Наш тяжелый транспорт проследовал от Верхнеудинска до Кяхты на колесных двуколках под охраной конвоя. Фельдфебель Иванов присматривался к новичкам и поучал их «уму-разуму» перед выступлением в далекую экспедицию.

2 декабря. Около десяти часов утра я и А.А. Чернов прибыли в Кяхту. Благодаря почти полному отсутствию снега, ехать в санях затруднительно. Наш ящик, из Верхнеудинска, на четверке спустился на реку и по ледяной поверхности домчал быстро до Кяхты, до дома Общественного собрания, иначе — клуба. Здесь мы были встречены прежним слугою Осипом и, благодаря любезности кяхтинских старшин с В.Н. Молчановым во главе, нашли все удобства к продолжительному пребыванию на границе. Л.П. Молчанова позаботилась об убранстве наших спальных комнат. Не успели разобраться, явился любезный М.А. Бордашев, чтобы по поручению К.Х. Лушниковой пригласить нас к обеду. Как были, так и отправились. Здесь, в гостеприимном доме, мы были обласканы и накормлены. Этот дом для меня знаком с давних времен, я также давно знаю почти всех детей покойного Алексея Михайловича, с которыми дружил Н.М. Пржевальский. Юных членов дома не было, многие разъехались. На сле-

дующий затем день появились П.Я. Напалков и Четыркин. Осталось ожидать наш экспедиционный транспорт (с Ивановым).

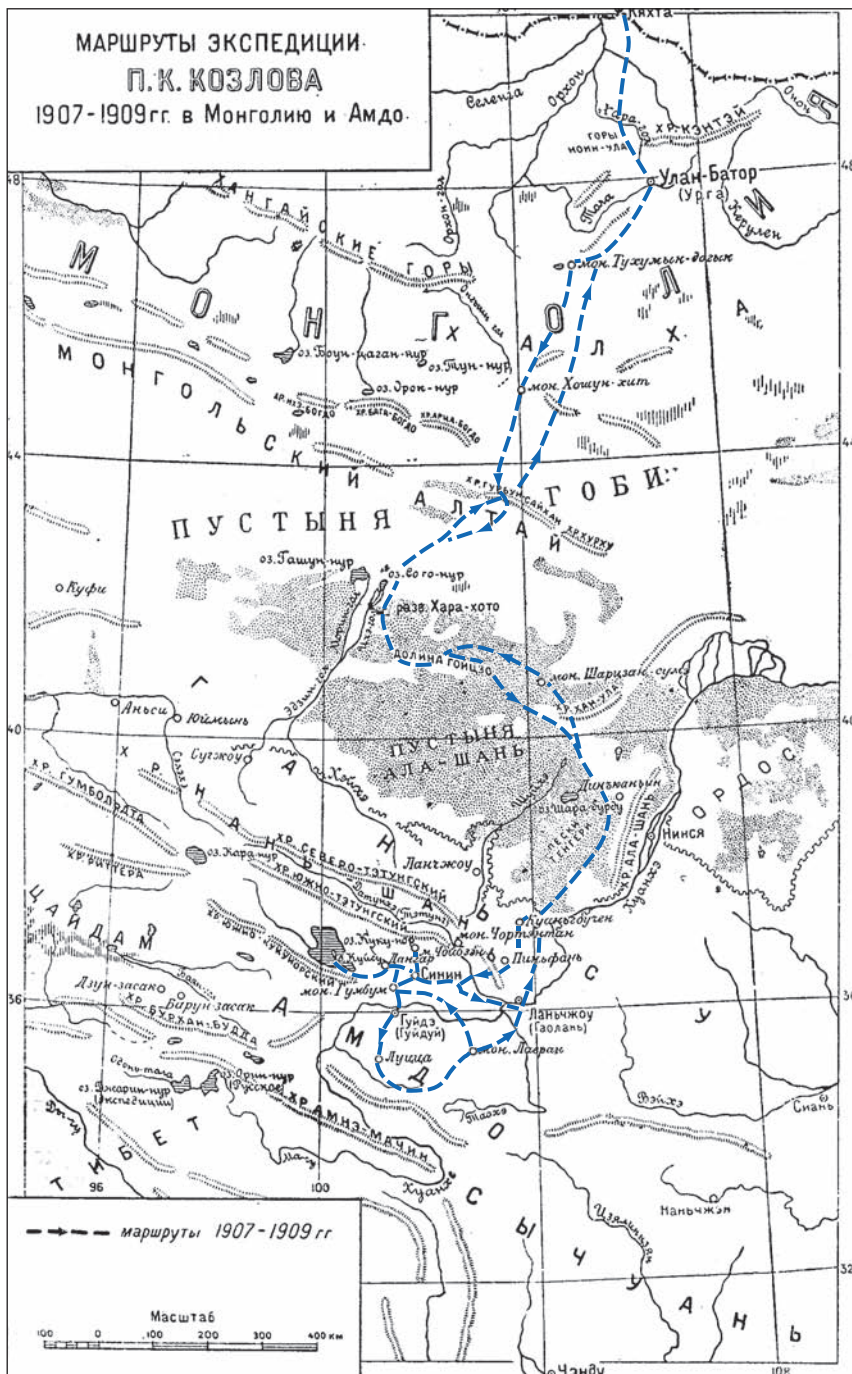
Начались приготовления к сборам, сначала к их подготовке. С приходом транспорта, а на другой день забайкальцев — Телешова, Ар. Мадаева и Б. Мадаева, — дело пошло быстро. Нужно было все разобрать и освобожденные ящики сдать в переделку. Застучали топоры, молотки, завизжала пила. Самые разнообразные дела включались в требование экспедиции. По временам производилась практически боевая стрельба из трехлинейных винтовок.

Столяр-китаец подготовил ящики, мои молодцы-спутники клеили их и красили, затем обшивали углы, пристраивали веревочные петли для выючки. Словом, работа кипела вовсю. Молчанов и Лушниковы старались прийти к нам тем или другим делом на помощь.

Препараторы экскурсировали и кое-что сделали по части препарирования птичек. И в этом отношении В.Н. Молчанов приходил к нам на помощь: он любезно доставил птичек — пару рябчиков и пару свиристелей, первый и последний номера (1, 15)⁵, собранных в Кяхте. И.Н. Молчанов не преминул «угостить» меня и облавою на диких коз. Это удовольствие, о котором я мечтал еще будучи в центре России, мне было особенно приятно. Ведь в Кяхте я впервые, в 1883 г., с Н.М. Пржевальским, понял эту прелесть, но только отчасти — отчасти тем, что я тогда совершенно не умел стрелять и козы, пробежавшие подле меня, ничего кроме страха не получали — жизнь их оставалась вне опасности. Обстановка же охоты меня очаровывала. И вот, наконец, спустя 24 года опять стоишь на номере.

Чудный был день первой облавы. Мы приехали на тройках в Монголию, к табору. Здесь томились загонщики-монголы, предводительствуемые, с одной стороны, охотником-монголом (Лапсан), а с другой — русским Калашниковым, заводившим загонщиков, тогда как расставлял стрелков Лапсан, понимавший и знавший охот[ничью] тактику одинаково с Калашниковым. До завтрака загонщиков было сделано четыре. Я не стрелял, но видел стайку, мелькнувшую в кустах; одна коза даже постояла минуту и исчезла далеко. День выдался на славу. После завтрака, когда охотники сошлись было посидеть на солнышке, Калашников, однако, заметил: «Ну, господа, пора ехать в новое место!». Все повиновались, сели верхом и поскакали к открытой березовой поросли, где высокая трава привлекала косуль. По дороге на отдельных березах темными почками красовались косачи, грузно снимаясь при нашем к ним приближении. Быстро рассчитавшись на номера, мы слышали голоса загонщиков, а немного спустя увидели и самих коз, бежавших табунками или парочками. В волнении дрожащими руками сжимаешь ружье, но козы пробежали вдали! Больно охотничьему сердцу видеть высокие прыжки косуль, а еще более слышать выстрелы соседей! Но вот несется тройка коз и на меня. Старый гуран стал подсказывать ужасно... Еще минута, звери около меня. Первый выстрел по старику, второй по первому в гусевом порядке⁶. Оба зверя упали в расстоянии 15 шагов друг от друга. Радость моя была великая, понятная охотнику. Я с благодарностью вспомнил моего иркутского приятеля С.Н. Родионова, снабдившего меня патронами, снаряженными бездымными гильзами, преимущество которых ясно, и выражается в тихой трескотне и устранении дыма, мешавшего ранее наблюдать и замечать

Карта маршрута Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. П.К. Козлова

Дневник № 1

П.К. Козлов с сотрудниками Монголо-Сычуаньской экспедиции.
Дын-юань-ин (Китай), 1908.

Сидят, слева направо: П.Я. Напалков, А.А. Чернов, П.К. Козлов, Ц.Г. Бадмажапов.
Стоят: Г.И. Иванов (четвертый слева), А. Мадаев (последний в темном мундире, справа
в последнем ряду)

Участники Монголо-Сычуаньской экспедиции.

Унтер-офицеры М. Давыденков, М. Санаков, В. Демиденко, Г.И. Иванов
(крайний справа). Москва, 8 ноября 1909. (Архив РГО. Ф. 18)

П.К. Козлов, Н.С. Козлова и их сын Владимир.
Москва, 1901 г.

Дети П.К. Козлова:
Владимир и Ольга.
Москва, 1907 г.

Торгоут-бэйлэ с чиновниками. Март 1908

Два субургана на пути к Хара-Хото. Март 1908

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей.....	3
Монголо-Сычуаньская экспедиция 1907–1909 гг. П.К. Козлова (Т.И. Юсупова).....	8
Дневник № 1 Монголо-Сычуаньского путешествия 1907–1909 гг.	21
Дневник № 2 Монголо-Сычуаньского путешествия 1907–1909 гг.	121
Дневник № 3 Монголо-Сычуаньского путешествия 1907–1909 гг.	217
Дневник № 4 Монголо-Сычуаньского путешествия 1907–1909 гг.	315
Примечания	375

Приложения

Монгольские, китайские, тибетские термины	394
Указатель биологических терминов	399
Указатель географических и топографических названий	401
Именной указатель	409
Библиография Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. П.К. Козлова	416
Карта маршрута Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. П.К. Козлова	422